

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЧУДЕС
В «ПРОСКИНИТАРИИ» АРСЕНИЯ СУХАНОВА
И «ЖИТИИ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА**

И. Ю. Жарова

Одним из важнейших элементов религиозного противостояния XVII в. стала книжная «справа», которая вызвала множество дискуссий и, в конечном счёте, привела к расколу в русской Церкви. Борьба внутри православия воспринималась как разрушение абсолюта мировоззрения. Именно в это время в литературных памятниках стало столь популярно «чудотворение» как попытка придать стабильность и достоверность собственному миропониманию. Чудо «давало надежду и указывало цель»¹, поэтому к нему активно прибегали оппоненты в религиозном и социальном противостоянии. Яркое отражение этого процесса нашло в таких сочинениях середины XVII столетия, как «Проскинитарий» (1649–1652) Арсения Суханова, известного церковного деятеля, справщика Московского печатного двора, и «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1672–1673), созданное старообрядцем.

Сочинения протопопа указывают на знакомство с отчётом Суханова. В челобитной Алексею Михайловичу он заметил, что тот ошибается, исправляя русский обряд, поскольку знает: у греков «изсяче благочестие по пророчеству святых царя Константина и Силивестра», а в Святую землю он «посылал прежде испытovati у них догматов Арсения Суханова»². О влиянии сочинения старца Арсения на творчество старообрядца впервые было указано в XIX в. в работе П. Мельникова³, утверждавшего, что именно записки иеромонаха дали повод Аввакуму обвинить восточное духовенство в отступлении от чистоты веры: «...греки да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленые курки. Русачки же миленькие не так, в огонь лезет, а благоверия не предаст»⁴. Вероятно, обращение к «Проскинитарию» объясняется тем, что данный текст задумывался как официальный отчёт, следовательно, информация, зафиксированная в нём, объективна, достоверна и передаёт не личные взгляды паломника, а реальное положение вещей. Невозможно говорить о подражательности стиля или идентичности содержания произведений, можно утверждать лишь то, что протопоп использовал текст Суханова как подтверждение собственных предположений, а выбор материала осуществлял не только на основании хронологии, но и учитывая специфику труда.

Хождения и жития относятся к первичным жанрам, имевшим самостоятельное распространение, вместе с тем в их состав могли включаться в качестве «вставного мотива или формы» другие⁵. Паломнические хождения к культовым местам требовали от путешественников составления отчёта. Во многом их содержание определялось личными впечатлениями путников, их знанием Священного Писания, а также различными сведениями, полученными из рассказов жителей стран, через

которые проходил маршрут. Признавалось, что Святая земля наполнена реальными доказательствами существования Духа Божьего, выражающимися в его материальном проявлении. Сама географическая территория воспринималась как знаковое культурно-религиозное пространство. В хождениях достоверные описания и явный вымысел тесно переплетались и находились в симбиозе. Писатели сочетали в произведениях реальные и легендарные события, включали в рассказы, наполненные личными путевыми впечатлениями, сюжеты из Ветхого и Нового Завета, христианских апокрифов, которые служили подтверждением правдивости изложенного и образованности паломника.

В житиях рассказы о чудесах занимают ведущее место и по объёму нередко превосходят биографическую часть⁶. Их можно подразделить на прижизненные, композиционно включавшиеся в повествовательную структуру жития, и посмертные, обычно существующие как обязательное дополнение к тексту и пополняющиеся с течением времени⁷. Прижизненные чудеса чаще всего описывали не особые способности праведника, а повествовали о реальной Божьей помощи, т. е. опять же свидетельствовали о материальном проявлении Святого Духа. «В основу данных рассказов был положен церковный канон, поскольку <...> явное тематическое соответствие в евангельских чудесах Иисуса Христа (мотивы пополнения запасов пищи, хлеба, рыбы, воды)»⁸. Жанр чуда в житийной литературе формировался, в первую очередь, именно под влиянием чудес из Нового Завета, которые воспринимались как канонические, и получил развитие в русской агиографии. Основным направлением его эволюции стало постепенное развитие сюжета, комбинация жанрообразующих и сюжетообразующих мотивов, обширное бытовое содержание, разнообразие стилей изложения⁹.

Сложно чётко сформулировать, каковы основные признаки категории «чудесного», к тому же в большинстве случаев у каждого автора складывались личные критерии. В рамках статьи используется рабочее определение Н. В. Трофимовой чуда как повествования о неожиданном, часто сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-то земные проблемы¹⁰. Чудеса в произведениях Арсения и Аввакума проанализированы в данном случае с точки зрения их функционального назначения. Безусловно, для протопопа важнейшим качеством является публичность, т. е. информация о чуде должна стать общественным достоянием и только в этом случае оно полностью реализует себя, т. е. регулирует общественное мнение¹¹. Иеромонах ориентировался на достоверность, поскольку составлял официальный отчёт о состоянии греческого благочестия, поэтому все необъяснимые события либо подтверждались словами свидетелей, либо логическими рассуждениями. Чудеса, имеющие явную религиозную тематику, были призваны указать читателю на путь спасения души и включались в повествование для духовного просвещения. Функцией фантастических историй, скорее, было стремление узнать неведомое, необычное, нарушающее рациональность окружающего мира.

В «Проскинитарии» и «Житии...» можно выделить несколько видов чудес. Все эпизоды представляют собой самостоятельные компоненты в структуре произведений и выполняют сюжетообразующую, а не жанрообразующую роль. Подоб-

ные описания подразумевают наличие необъяснимых событий, которые воспринимаются как безусловное свидетельство участия высших сил в обыденной жизни человека, которые отдельными знаками доказывают своё существование.

Прежде всего, выделяется «традиционное» чудо¹², которое носит констатирующий характер и даёт представление о том, какой смысл авторами вкладывался в это понятие. К этой категории в данной ситуации отнесены «видения» — жанр, объект которого — «явления реальным людям божественных сил, пророчествующих о будущем, призывающих к определённым действиям или своим появлением предвещающих дальнейшие события»¹³. В тексте протопопы Аввакума это фрагмент о трёх кораблях: «...плвут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато... И я спросил: “Чье корабли?” И оне отвечали: “Лукин и Лаврентиев”. Сии быша мои духовные дети <...> потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо <...> юноша светел, на корме сидя, правит... И я вскричал: “Чей корабль?” И сидя на нем отвечал: “Твой корабль”»¹⁴. Конечно, свой сон старообрядец описывал во многом соотнося его с традицией житийных видений. Многократное использование эпитета «златый» явно выступает в этикетном значении и символизирует власть. На этих кораблях находятся духовные дети протопопы, мученическая смерть которых приравнивала их к первым русским святым, князьям Борису и Глебу. Созданный образ явно должен был демонстрировать, что последователи Аввакума обретают благодать, что избранный ими духовный путь единственно верный.

На третьем судне находился «юноша светел», который своим появлением предсказывает судьбу самого автора «Жития...», воспринявшего этот образ как знак, подтверждающий его особую миссию, укрепивший его на борьбу с религиозными противниками. В дальнейшем Аввакум будет регулярно описывать реальные сцены плавания, проводя очевидную параллель между своим сном, который счёл пророческим, и судьбой¹⁵. Фактически протопопу это видение даётся в награду за молитву, что указывает на особую близость старообрядца к высшим силам: «Моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо»¹⁶.

В отличие от «Жития», в «Проскинитарий» включено единственное видение одного из спутников Арсения Суханова, назаретского митрополита Гавриила, который также в ответ на моление увидел, как «выходят наверх земли мертвые люди, а восстанут в ночи под пяток великой»¹⁷. В Египте он оказался в составе свиты турецкого паши, решившего проверить истинность рассказов саддукеев, праздновавших Пасху «во вся годы... когда <...> на оном месте мертвые люди встают»¹⁸. Прибыв к пирамидам, рядом с которыми и должно было произойти чудо, получив приказ заночевать там, Гавриил «учал молитву творить стоя»¹⁹, переживая, что не может находиться на службе в церкви. Сразу после исполнения обряда он увидел «пред собою песок высок как бы могила и он де перекрестился <...> человек лежит мертвой»²⁰. Иеромонах Арсений, стремясь к максимальной фактической точности, избегал в повествовании подробных рассказов о событиях, свидетелем которых не являлся, но в данном случае истинность данной истории была подтверждена «у многих греков, и во Египте у синайского архиепископа, и у старцев»²¹.

Сам Суханов, вероятно, подозревал, что это «чудо» имеет какое-то материалистическое объяснение, так как указывает, что «преж сего выходили люди целые, а ныне де кости и люди разрушенные, руки, ноги и прочия составы»²². Подобное разложение тел, безусловно, совершенно нехарактерно для святых, сакральных предметов. Однако этот сюжет был весьма популярен в записках путешественников и неоднократно упоминался. Ещё в XVI в. М. фон Баумгартен поведал подобную историю, но в его трактовке мертвецы вставали во время молений в мечети. Позже к ней обратились православные писатели. Например, у Василия Гагары: «...есть озеро... Да близь того же езера выходять изъ земли кости», — а также западный поклонник, Х. Фюрер в «*Itinerarium Aegypti, Arabiae, Palaestinae, Syriae...*» передавал рассказ местных жителей о том, что недалеко от пирамид в Каире иногда видны мёртвые руки и ноги, причём информация была заверена его высокопоставленными соотечественниками²³. По-видимому, в том месте было когда-то захоронение, могилы располагались неглубоко, поэтому часть скелетов была видна, что и породило легенду, активно использованную писателями разных стран. Однако не исключено, что в основе лежат библеизмы из Евангелия от Матфея или «Книги пророка Иезекииля» о восстании усопших по велению Господа²⁴.

В произведениях Арсения и Аввакума можно выделить «бытовые» чудеса, которые, в основном, служат подтверждением могущества и милости высших сил. Непосредственно события, описанные в них, не имеют необъяснимого характера, и подобная трактовка связана исключительно со спецификой религиозного взгляда на окружающий мир.

Наиболее ярким примером из «Жития...» можно назвать явление человека или ангела в темницу к Аввакуму: «Бысть же я в третий день приалчен, — сиречь есть захотел, — и после вечерни ста предо мною, не вем-ангел, не вем-человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и <...> посадил и ложку в руки дал и хлеба немножко и штец похлевать, — зело прикусны, хороши! <...> Двери не отворялись, а ево не стало»²⁵. Этот эпизод воспринимался старообрядцем как благословение его духовного труда, его сопротивления отступникам от православной веры. В данном фрагменте происходит объединение реального и нематериального миров. Несмотря на конкретные быденные детали и незначительность самого события, в рассказе превалируют элементы сверхъестественного, поскольку сам Аввакум расценивал данный прецедент как помощь свыше. Подобное видение ситуации демонстрирует процесс постепенного размывания абсолютных границ, чётко разделяющих всё существующее на смертное и вечное, божественное и человеческое, духовное и плотское. Протопоп не стремился доказать, что перед ним предстал посланник высших сил, он акцентировал внимание на праведном поступке, который приравнял ангела и человека.

Несомненное вмешательство Божьей воли видел Арсений и в событии, произошедшем на корабле, на котором он плыл в Константинополь. Появление турецких чиновников, осматривающих багаж, было опасно для старца. Иеромонах выполнял государственное поручение, поэтому вёз крупную милостыню, которую могли отобрать. Было необходимо любой ценой избежать внимания проверяющих. По совету

капитана судна, русский посланник «взял у каравакириса <...> чалму и положил на себя, и сел <...> на каравакирисове месте по-турски <...> и Арсений молился Христу Богу, чтобы милостию своею заступил»²⁶. Автор «Проскинитария» не ограничивается описанием происшествия и констатацией факта, что молитва может помочь в самых сложных жизненных ситуациях, а приводит конкретные доказательства Божьей помощи. Во-первых, полное невнимание турков к его внешнему виду («образ мой от их всех отличился — русской, а се и салма на мне не так как на них <...> волосы все крґ головы подбревают, аз же не подбриван»²⁷); во-вторых, отказ проверяющих от беседы, в ходе которой обнаружилось бы полное незнание Сухановым турецкого языка («двум начальным турчаном, и те стали глядеть прилежно и молвили Арсению салом аликом, Арсений же сидя моляся Христу... Турки <...> отошли прочь»²⁸); в-третьих, поведение спутников-иноверцев, которые не выдали принадлежности его к духовной среде («все они видели на мне чернеческое платье, а как я положил на себя чалму <...> а все молчали и туркам про меня не сказали»²⁹). Несмотря на то что данному эпизоду можно найти логическое, бытовое объяснение, иеромонах явно считал это благословением его миссии — описания состояния благочестия в Святой земле. Чаще всего подобного рода зарисовки выполняли в повествовании регулирующую функцию, которая предполагает описание награды за благочестие, обуславливая «подключение к социальному коду»³⁰, т. е. представляя конкретные поведенческие образцы, которым должны следовать читатели.

В ряде случаев можно утверждать совпадение тематической группы прижизненных и посмертных чудес — избавление от вражеского плена и от иноплеменников³¹. У Аввакума данная тенденция прослеживается в описаниях болезней его гонителей: «Та ин начальник на мя разсвирепел: приехав с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей, с приступом... Та же в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: “Батюшко-государь Евфимей Стефанович при кончине...” а сам говорит: “Дайте мне батька Аввакума! За него бог меня наказует!”»³² Сам протопоп комментирует этот случай как доказательство необходимости послушания: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать»³³, однако явно подчёркивает собственную богоизбранность, что подтверждается не только несчастьями, постигающими его противников, но и многочисленными случаями исцеления бесноватых, которыми насыщено повествование.

В «Проскинитарии» звучит идея защиты высшими силами чистого православия от еретиков. Рассказывая об острове Патмос, на котором находится монастырь Иоанна Богослова, где был написан «Апокалипсис», паломник уверял, что там «турков нет, потому как де кто жить, тот де умрет»³⁴. Арсений не даёт ссылок на источник информации, но, по-видимому, считает её вполне достоверной, так как в той местности он действительно не встретил турок, а подобное объяснение подходило под определение, что в Палестине происходят чудеса. Иеромонах Саровский Мелетий обвинял Арсения в невежестве, поскольку он поверил в подобную версию, в то время как причины подобной территориальной избирательности лежат в сфере сельскохозяйственного развития: на острове почва сухая, неплодородная, местность гористая, поэтому османцы и не стремились освоить эту область³⁵. Вместе с

тем аналогичный фрагмент о том, что в монастыре, созданном в пещере, в котором родилась Богородица, мусульмане жить не могут, поскольку «турки, которые в нем живали, судом Божиим помирают»³⁶, насельником не опровергался и комментарию не получил. Перестройка культовых мест в бытовые помещения была широко распространена в Османской империи: храмы святого Марка, святой Екатерины были переоборудованы под жилые дома. Вероятно, причина отказа от использования святого грота столь же прагматична: высокая влажность или недостаточность освещения, но, безусловно, подобные предположения не соответствовали задаче, стоящей перед паломником. Эти фрагменты демонстрируют неминуемое наказание за отступление от истинной веры, за греховное поведение.

Следующую группу составляют чудеса, знаменующие защиту от врагов. У Аввакума это эпизод, связанный с «начальником», набросившимся на него «со двема малыми пищальми, и, близ меня быв, запалил ис пистоли. И божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила <...> из другия паки запалил так же — и божия воля учинила так же: и та пищаль не стрелила. Аз же <...> идучи, прилежно молюсь богу»³⁷. Суханов подобной угрозе не подвергался, тем не менее даже в рядовом для того времени происшествии: «...бил многих армян турчин чеканом, и на Арсения замахнулся, да не ударил», — видит небесную защиту: «Бог милостию своею заступил»³⁸. В обоих случаях, безусловно, авторами не только утверждалось, что Господь слышит молитвы верующих и способен защитить каждого. И иеромонах, и протопоп в подобном заступничестве видели доказательство собственной значимости для духовной жизни страны, для православия в целом, а также подчёркивали слабость религиозных взглядов своих оппонентов, чьи победы носили, по мнению писателей, временный характер.

В произведениях церковников включены и знамения, т. е. рассказы о необычных явлениях природы, связанных с проявлением Божьей воли³⁹. Исследователи творчества Аввакума неоднократно говорили о присущем ему пантеистическом характере восприятия окружающей действительности. Данная способность связана с убеждением старообрядца в том, что любое необычное явление, каждое существо было создано Господом и поэтому имеет в своей основе божественный характер. В связи с этим помощь свыше он замечает абсолютно во всём: «Курочка у нас черненькая была, по два яичка на день приносила <...> нужде нашей помогая, бог так строил»⁴⁰. В подобных описаниях протопоп отходил от традиционного пафоса утверждения святости праведника к обожествлению всего сущего, что является одной из ярких новаторских черт жития.

Для хождения зарисовки природы традиционны, они часто играют роль ориентира на местности. Лишь один эпизод привлекает особое внимание Арсения, который сам обозначает увиденное как «чудо». Во время плавания недалеко от острова Лероса «везде засорено и замусорено белым камнем, яко известь плавает по морю камень горелое, а на воде не тонет... А то де сказывают <...> чудо страшное было, подобно яко Содому провалилась в море земля»⁴¹. Очевидная библейская аналогия указывает на то, что русский посланник воспринимал это неординарное событие как демонстрацию могущества небесных сфер. В обоих случаях говорится

о различных проявлениях силы Бога на Земле, которая может принимать различные формы, как спасать, так и уничтожать, но постоянно напоминает о себе посредством мира природы.

Итак, рассказы о чудесах выполняют в произведениях Арсения и Аввакума ряд функций. В первую очередь, они демонстрируют всемогущество Бога, его вездесущность. Важную роль играет функция помощи: человек получает поддержку высших сил в трудной жизненной ситуации, если искренне верит. Чудо регламентирует порядок исполнения религиозных обрядов: соблюдение норм праведной жизни поощряется наградой, соответственно, отклонение от них приводит к наказанию. Безусловно, чудесные события описывались и Арсением, и Аввакумом ради влияния на читателя, так как должны были служить доказательством правильности личной социальной позиции каждого писателя, что особенно было актуально для протопопа, стремящегося доказать «никонианам» истинность старой обрядности. Чудо, с одной стороны, использовалось как абсолют, решающий аргумент в дискуссии, с другой — оставалось способом восприятия реальности, оценки повседневных событий. В связи с этим рассказы о чудесах в произведениях Арсения и Аввакума функционируют не только в качестве демонстрации личной причастности к миру сакрального, но и как реальный способ воздействовать на мировоззрение современников, как важнейший элемент в религиозном противостоянии, ярко обозначающий их позицию.

¹ *Серман И.* Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII веков // Русская литература. 1995. № 2. С. 105.

² *Аввакум.* Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // Памятники первых лет русского старообрядчества / под ред. Я. Л. Барскова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 48.

³ *Мельников П. И.* Исторические очерки поповщины. М.: Университетская тип., 1864. Ч. 1. С. 19.

⁴ *Аввакум.* Послание (первое) к некоему Симеону // Материалы для истории раскола за первое время его существования: в 9 т. М.: Тип. Лисснер Э. и Роман Ю., 1879. Т. 5 [под ред. Н. И. Субботина]. С. 203.

⁵ *Прокофьев Н. И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 32.

⁶ *Минеева С. В.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 39.

⁷ Подробная классификация посмертных чудес приведена в диссертационном исследовании С. В. Минеевой «Житие Зосимы и Савватия Соловецких в контексте рукописной и жанровой традиции» (М., 2002), аналогичная — в работе И. В. Стародумова «Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии» (Омск, 2009).

⁸ *Стародумов И. В.* Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. С. 7.

⁹ Там же. С. 20.

-
- ¹⁰ Трофимова Н. В. Чудеса в древнерусском воинском повествовании // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 73.
- ¹¹ Антропова Н. А. Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Знак, 2008. Сб. 13. С. 752.
- ¹² Архангельская А. В. Раскол в Русской Церкви. «Житие протопопа Аввакума». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology> (дата обращения: 14.04.2012).
- ¹³ Трофимова Н. В. Чудеса в древнерусском воинском повествовании. С. 73.
- ¹⁴ Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники литературы Древней Руси: XVII век: в 2 кн. / Л. Дмитриев, Д. Лихачёв. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 356.
- ¹⁵ Лихачёв Д. С. Великое наследие. М.: Современник, 1975. С. 306.
- ¹⁶ Аввакум. Житие протопопа Аввакума... С. 365.
- ¹⁷ Арсений (Суханов). Проскинитарий // Православный Палестинский сборник. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1889. Т. VII (Вып. 21). С. 40.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 41.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 40.
- ²² Там же.
- ²³ Белокуров С. А. Арсений Суханов: Исследование Сергея Белокурова: в 2 т. М.: Университетская тип., 1891. Т. 1. С. 266.
- ²⁴ Решетова А. А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика). Рязань, 2006. С. 127.
- ²⁵ Аввакум. Житие протопопа Аввакума... С. 360.
- ²⁶ Арсений (Суханов). Проскинитарий. С. 7–8.
- ²⁷ Там же. С. 9.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 10.
- ³⁰ Кулешов Е. В. Народные рассказы о христианских чудесах в устном и письменном бытовании: опыт типологизации // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. М.: Наследие, 1998. С. 495.
- ³¹ Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников... С. 11.
- ³² Аввакум. Житие протопопа Аввакума... С. 357.
- ³³ Там же. С. 358.
- ³⁴ Арсений (Суханов). Проскинитарий. С. 23.
- ³⁵ Мелетий. Путешествие во Иерусалим: Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М.: Губ. тип. А. Решетникова, 1800. С. 29.
- ³⁶ Арсений (Суханов). Проскинитарий. С. 139.
- ³⁷ Аввакум. Житие протопопа Аввакума... С. 356–357.
- ³⁸ Арсений (Суханов). Проскинитарий. С. 97.
- ³⁹ Трофимова Н. В. Чудеса в древнерусском воинском повествовании. С. 73.
- ⁴⁰ Аввакум. Житие протопопа Аввакума... С. 369.
- ⁴¹ Арсений (Суханов). Проскинитарий. С. 25–26.